

Философские антропологи показывают, что человеческое бытие расколото. Оно не может быть понято изнутри в качестве объекта внешнего постижения. Специфически человеческое раскрывается только в том случае, когда возникает тема Иного, Иномерности, Трансценденции. Вот почему важной проблемой оказывается тема соотношения философской антропологии и онтологии. Чтобы отыскать человеческое в человеке, важно показать, каково отношение человека к бытию. Однако последовательное проведение онтологического принципа, осуществленное, к примеру, М.Хайдеггером, не позволяет анализировать личностную уникальность человека. Поэтому в философской антропологии предпринимаются усилия, направленные на синтез этих двух направлений, на возможности их сближения. Проблему приходится, следовательно, формулировать, по сути дела, таким образом: возможна ли антропологическая онтология⁵.

Э.Фромм пишет: «Человек – единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться...»⁶.

Настоящее исследование продолжает философско-антропологический анализ, предпринятый автором в предыдущей монографии «Проблема целостности человека». В данном случае делается попытка показать основные аспекты расколотости человеческого бытия. Теоретический замысел работы состоит в утверждении, что человеческое бытие не может быть описано через систему каких-то свойств или определений. Оно простирается в системе различных контроверз, между полюсами тех или иных конкретных (имманентное – трансцендентное, телесное и духовное, сущее и существование и т.д.) противостояний. Чтобы «ухватить» человеческое бытие следует обратиться именно к его расколотости, к тому полю, которое возникает в результате несводимости разных полюсов.

Принцип бинарности был подвергнут острой критике представителями постструктурализма и постмодернизма. Нельзя не признать, что преодоление принципа бинарности формирует важнейшую культурную установку на междисциплинарный диалог различных отраслей постижения мира. В то же время выстраивание бинарных оппозиций, по нашему убеждению, далеко не исчерпало свой потенциал.

Авторы некоторых исследований, о которых пойдет речь в монографии, отдают предпочтение лишь одному аспекту проблемы, упуская из виду другой ее план, что порою лишает проблему ее метафизической напряженности. Человек есть алгоритм разного рода противоположностей. Ни одно из существенных свойств человека не может монополюльно представлять его как целое.

Разумеется, представленные в книге контroversы не исчерпывают все ракурсы бытия. Однако они позволяют, как нам кажется, раскрыть проблему расколотости человеческого бытия.

ГЛАВА 1. БЫТИЙСТВЕННОЕ ИЛИ НЕБЫТИЙСТВЕННОЕ

Нет смысла говорить о бытии вне бытия. Бытие возможно только на грани небытия.

Бытие – это то, что от века неизменно и повсюду касается нас, людей, но чего мы, собственно, даже не замечаем. Мы называем это слово «бытие». Этим именем именуется то, что мы подразумеваем, когда говорим «есть», и: «будет». Все, что достигает нас и чего мы хотим достичь, проходит через высказанное или невысказанное «есть». «Есть» известно нам во всех своих явных и скрытых разновидностях. И все же, едва это слово «бытие» касается нашего слуха, мы уверяем, что за ним невозможно ничего себе представить, в нем невозможно ничего помыслить. «Пожалуй, это скороспелое утверждение правильно, оно оправдывает раздражение людей разговорами – чтобы не сказать болтовней – о «бытии», причем такое «бытие» делают предметом насмешек. Не задумавшись о бытии, не ища путей мысли к нему, люди вознамериваются быть инстанцией, решающей, говорит ли что-либо слово «бытие» или нет. Едва ли кого еще шокирует, что в принцип тем самым возводится безмыслие»⁷.

По мнению Хайдеггера, мы должны прислушаться к Канту. Тому есть две причины. Во-первых, Кант сделал далеко идущий шаг в прояснении бытия. Во-вторых, этот шаг сделан Кантом в верности традиции, тот есть одновременно и в критическом размежевании с ней, благодаря чему она выступает в новом свете. Согласно формулировке в главном произведении Канта «Критика чистого разума», его тезис о бытии гласит:

«Бытие явно не есть реальный предикат, т.е. понятие о чем-то таком, что могло бы входить в понятие той или иной вещи. Оно есть просто полагание вещи или известных определений самих по себе»⁸.

Перед лицом того, что сегодня есть, теснит нас как сущее и грозит как возможное небытие, тезис Канта, по мнению Хайдеггера, кажется отвлеченным, ущербным и бледным. К тому же за минувшее время от философии уже потребовали, чтобы она не довольствовалась больше объяснением мира и не вращалась в абстрактных спекуляциях, а пришла к критическому изменению мира. Правда, широко задуманное изменение мира требует сначала, чтобы изменилось мышление, подобно тому как и за названным требованием уже стоит некоторое изменение мышления⁹.

Только каким образом должно измениться мышление, если оно не вступит на путь того, что достойно мысли? А что именно бытие выступает как достойное осмысление – это и не произвольная посылка, и не праздная выдумка. Это голос традиции, которая еще определяет, по мнению Хайдеггера, нас сегодня, притом гораздо решительнее, чем людям хотелось бы замечать.

Тезис Канта содержит два высказывания. Первое – отрицательное, отказывающее бытию в характере реального предиката, хотя еще никоим образом не в характере предиката вообще. Соответственно, следует затем в тексте утвердительное высказывание, которое характеризует бытие как «просто полагание».

Также и теперь, когда содержание тезиса разделено на два высказывания, мы с трудом отделяемся от мнения, что при слове «бытие» не удастся ничего помыслить. Меж тем охватившая нас растерянность уменьшится и тезис Канта станет нам ближе, если до более точного истолкования мы обратим внимание на то, в каком месте внутри структуры и движения «Критики чистого разума» Кант высказывает данный тезис.

Лишь бегло напомним о бесспорном обстоятельстве: западноевропейскую мысль ведет вопрос: «Что есть сущее?» В такой форме она спрашивает о бытии. Кант, и именно через «Критику чистого разума», совершает в истории этой мысли решающий поворот. Отсюда мы ожидаем, что ведущую мысль своего главного труда Кант начнет развивать с разбора бытия и выдвижения своего тезиса. Дело обстоит иначе. Вместо этого мы встречаем названный

тезис лишь в последней трети «Критики чистого разума», а именно в разделе, озаглавленном: «О невозможности онтологического доказательства существования Бога».

Между тем, разъясняет свою мысль Хайдеггер, еще раз вспомним историю западноевропейской мысли, мы увидим: вопрос о бытии как вопрос о бытии сущего двусторонен. С одной стороны, в нем спрашивается, что есть сущее вообще как сущее? Соображения вокруг этого вопроса попадают в ходе истории философии под рубрику онтологии (онтология – учение о бытии). Одновременно в вопросе «Что есть сущее?» спрашивается: что есть сущее в смысле высшего сущего и каково оно? Это вопрос о божественном и о Боге. Сфера этого вопроса называется теологией (учением о Боге). Двусторонность вопроса о бытии можно подытожить, дав ему название онто-теологии. Двойкий вопрос: «Что есть сущее?», во-первых, гласит: что есть (вообще) сущее? Во-вторых, он гласит, что есть (каково) (неопосредственно) сущее?

Двойкость вопроса о сущем должна, очевидно, зависеть от того, как является бытие сущего. Бытие сущего является в виде того, что мы называем основанием. Сущее вообще – это основание в смысле почвы, из которой вырастает все дальнейшее рассмотрение сущего. Сущее как высшее сущее есть основание в смысле того, чем все сущее выведено в бытие.

Что бытие определяется как основание, до сего дня считают само собой разумеющимся; и, однако, это самое проблематичное. Почему бытие начинают определять как основание, в чем заключено существо основания, Хайдеггер не разбирает. Но уже при поверхностном, по видимости, размышлении сама собой напрашивается догадка, что в кантовском определении бытия как полагаения заложено родство с тем, что мы называем основанием. В ходе истории онтологического вопрошания возникает задача не только показать, что есть высшее сущее, но и доказать, что это самое существующее из сущего есть, что Бог существует. Слова существование, наличное бытие, действительность именуют определенный способ бытия.

Пока требовалось только указать на то, что Кант выставляет свой тезис в контексте вопросов философской теологии. Последняя господствует над всем вопросом о бытии сущего, т.е. над метафизикой в ее основном содержании. Отсюда делается

видно, что тезис о бытии – не побочное, отвлеченное, методологическое положение, что поначалу нас легко могло убедить в этом словесное звучание.

«Поскольку бытие не есть реальный предикат, но все же предикат, а, стало быть, приписывается объекту, при том, что не выводим из вечно содержания объекта, то предикаты модальности бытия не могут исходить из объекта; наоборот, как виды полагания они должны возникать в субъективности. Полагание и его модальности существования определяются из мышления. Так тезис Канта о бытии невысказанно пронизан ведущей темой: бытие и мышление»¹⁰.

Указанием на неизбежность различения возможности, действительности и на их основание обнаруживается: в существе бытия сущего, в полагании правит структура обязательного различения возможности и действительности. «А что если, – спрашивает Кант, – мы примем бытие в смысле исходной греческой мысли как высветляюще-держашееся присутствие вещей, не только и не в первую очередь их установленность в устанавливании рассудком? Может ли горизонтом для этого исходного облика бытия служить представляющее мышление? Явно нет, если, конечно, самовысветляющее и самоподдерживающее присутствие отлично от установленности, пусть даже эта установленность и остается в родстве с тем присутствием, ибо установленность обязана присутствованию своим сущностным истоком?»¹¹.

Многие современные философы – Ф.Брентано, Э.Гуссерль, Н.Гартман, М.Хайдеггер в начале прошлого века вновь возвращаются к онтологии. Они пытаются заново осмыслить, что такое бытие? Каким образом оно может быть постигнуто? В конце минувшего столетия формируется устойчивая ориентация различных философских направлений на рассмотрение бытия как полисистемного процесса, на преобразование философских и научных средств для формирования соответствующих методологий и мировоззрения.

Представляя русский перевод книги М.Хайдеггера «Бытие и время» (М., 1997), один из известных специалистов по хайдеггерианской теме, О.Никифоров писал: «Есть вопрос безответный, поскольку «бытие» – это определяемое, определяемое, ... но никак не определяемое, так что делом чести в этом замысле может быть

лишь «подготовка подступов к постановке вопроса», (Бытие и время, параграф 8), удерживание пути ответа на него открытым (Кант и проблема метафизики. М., 1997, параграф 40).

Бытие как понятие выражает одну из главных проблем философии. Философы издавна пытались дать представление о всеобщем процессе, который объемлет человеческое существование. Они стремились выразить взаимосвязь различных форм мироздания. В известном контексте понятие бытия связано с понятиями универсума, космоса, вселенной, природы, жизни. Бытие, стало быть, это самое общее понятие о существовании. Бытие есть все, что есть. Противоположностью бытия можно считать небытие.

«Бытие» само по себе не есть предмет реальный: оно не общает реального существования¹². Бытие – это философская категория, которая обозначает абсолютное и неизменное. Античный философ Парменид (V в. до н.э) полагал, что бытие находится за пределами наших чувственных восприятий. Эти восприятия иллюзорны. За переменчивым миром чувственно воспринимаемых предметов существует нечто неизменное, единое, вечное, неуничтожимое. Со времен Парменида в философии появились слова «бытие» и «быть». Они выражали некую реальность, которая не сводилась к обыкновенному наличию имеющихся вещей. Парменид вышел за пределы чувственных восприятий. Он доказывал, что мышление и его предмет есть одно и то же. М.Хайдеггер показал, что вопрос о бытии и его решение Парменидом во многом определили судьбу европейского мира.

Что касается Хайдеггера, то он предложил необычное истолкование этого понятия. Оно претерпело значительные преобразования. Вопрос, который волновал немецкого философа, можно обозначить так: в чем смысл бытия? Эта вопрошаемость проблемы и определила философские искания М.Хайдеггера. «Вопрос о бытии – то, что везде проявляется и всегда возвращается; он не револьвер, но каток, подминающий под себя шкаф культуры, и, слава богу (Богу), потому что только бог (Бог) «может нас спасти» (от культуры и техники), точнее даже – тайфун, носящий множество имен (причем все сакральные), называть которые невозможно, но вызывать который можно (путем сложных заклинаний или хорошо организованного молчания), хотя и довольно опасно: нужно иметь

глубокие корни или быть легким как пушинка, чтобы в его дизъюнктивном синтезе не потерять собственной идентичности и приобрести соединяющее со многим различие»¹³.

Что мы имеем в виду, когда говорим о бытии? Прежде всего, все существа, о которых можно сказать, что они *есть*. Но также и звездное небо, грозовые тучи, высокие деревья. Мы подразумеваем также, говоря о бытии, мечты и видения, цвета и звуки, нечто фантастическое. При этом сам вопрос становится настолько неопределенным, что может вызывать сомнения не только у философских профанов. Однако бытие не сводится к этой пестроте перечисленных явлений. Оно выражает глубинное метафизическое содержание. Не потому ли в английском языке это слово Being пишется с заглавной буквы. «Хайдеггер поставил перед собой задачу показать, что есть обладающее собственным смыслом понятие бытия всего сущего, и это понятие лежит в основе всех наших представлений о реальности. Согласно его взгляду, выработка такой концепции всегда была целью всей метафизической мысли, даже если при этом и отсутствовало подлинно верное понимание дела. Поиски ответа на вопрос о смысле бытия оставались попытками истолковать сам вопрос; это имеет в виду Хайдеггер, говоря об изменчивом характере вопроса...»¹⁴.

После Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе судили нацистских преступников, и многие из них оправдывались тем, что были законопослушными людьми. Да, я убивал, сжигал, истязал. Но ведь не по своей воле. У меня был приказ. Я его и выполнял. Тогда в сознании философов родился вопрос: неужели человек полностью запрограммирован обществом? Где же мера индивидуальной ответственности, которая позволяет ему поступить не по существующим законам, а по внутреннему, глубинному побуждению?

Так в XX столетии появилось новое философское направление – экзистенциализм, который обращал предельное внимание на уникальность человеческую бытия. Экзистенциалисты считали, что сущность человеческой жизни нельзя выразить отвлеченными понятиями. Нужно живое трепетное понимание ее. Свое название экзистенциализм получил от слова «экзистенция», что означает «существование». Экзистенция – это истинное, сокровенное бытие человека, поток его переживаний, индивидуальных, непов-

торимых чувств. Термин впервые появился в философии Сёрена Кьеркегора. Позже это слово стало важнейшим понятием философии Мартина Хайдеггера, Жана-Поля Сартра, Карла Яспера.

Экзистенцию можно назвать истинным Я. Но разве мое Я может быть неистинным? Естественно, отвечают экзистенциалисты. В общественной жизни мы часто используем готовые формы эмоциональных реакций, прибегаем к безличностному общению. Я продвигаюсь по коридору и слышу вопрос: «Какживаете?» Отвечаю: «Спасибо, хорошо»... и исчезаю за поворотом. Разве человек, задавший вопрос, действительно хотел узнать от меня фактические подробности моей жизни? Разумеется, нет. Разве я не бросил реплику, которая на самом деле ничего не выражает: «хорошо», хотя на самом деле, честно говоря, не все уж так замечательно?

Такое общение можно скорее назвать ритуальным, обыденным, поверхностным. Мы пробегаем мимо друг друга, не успевая проникнуть в суть человеческих переживаний. Но разве человек всегда выглядит стандартным, унифицированным? Нет, конечно, в жизни каждого человека бывают такие мгновения, которые экзистенциалисты называют пограничными ситуациями, когда он постигает самобытность собственного существования. Обычно мы не познаем человеческую экзистенцию как нечто безусловное¹⁵.

Мы все знаем, что человек смертен. Однако глубинный смысл этого суждения человек постигает только тогда, когда он сам находится на смертном одре. К.Ясперс подчеркивает: существуют пограничные ситуации, которые всегда остаются тем, что они есть. Я должен умереть, я должен страдать, я должен бороться, я неизбежно становлюсь в чем-то виновным. Мы реагируем на пограничные ситуации отчаянием, которое помогает нам восстановить наше самобытие. Один из важнейших принципов экзистенции – ее временность, конечность. Человек всегда находится пред ликом смерти. Это наполняет его бытие напряженным содержанием. Одиночество человека перед лицом Бога, признанное Кьеркегором, превратилось в экзистенциализме в одиночество человека перед лицом ничто. Отсюда возникает основное состояние – состояние страха, которое только и может открыть человеку его бытие, привести к самостоятельному бытию и свободе.

Неизуродованный, связанный повседневностью, инстинктивно действующий человек мыслит экзистенциально, т.е. не абстрактно, а конкретно. В экзистенциальном мышлении человек участвует целиком, вместе со своими чувствами и желаниями, предчувствиями и опасениями, своим опытом и надеждами, заботами и нуждами. Рассудок по своей природе слеп к ценностям. Экзистенциализм есть попытка дать картину изначального мировосприятия.

Экзистенциализм – философия суровая и трезвая. В центре ее исследований находится человек, ставший благодаря опыту двух мировых войн реалистичным. Сил человеку едва хватает на то, чтобы существовать и внутренне справляться с бременем судьбы. Вот почему именно экзистенциалисты приступили к разработке философского понятия «человеческое бытие», выразившего особую форму человеческой реальности.

Под бытием Хайдеггер понимал не вещественный мир, а внутреннее трепетное живое существование человека. Человеческое бытие экзистенциалисты описывают не с помощью понятий, а используя так называемые экзистенциалы – специфические душевные состояния. Загадочен, необъясним человек. Мы так много рассуждаем о нем, но так редко обращаем на него свой взор тогда, когда он охвачен страстью. А ведь именно в этот миг в нем открывается нечто всечеловеческое, надмирное. Ближе всех к осознанию этой мысли подошли М.Хайдеггер, К.Ясперс, а также публицист, философ, драматург и критик Габриэль Марсель.

Они пытались понять, как влияют на человеческое существование такие состояния конкретного индивида, как забота, страх, надежда, смерть. Вероятно, о многих проявлениях человеческой души можно сказать словами русской поэтессы Марины Цветаевой: «Я, ваша бессмертная страсть...» Центральные вопросы экзистенциализма – существование человека, смысл его жизни и судьбы в мире. Задумывались ли вы когда-нибудь над тайной своего рождения, над тем, зачем вы пришли в этот мир? Такого рода вопросы свойственны любому человеку, задумывающемуся над своим бытием. Этим и обусловлена значительная популярность экзистенциализма.

Экзистенциальные проблемы – проблемы самого факта человеческого существования и переживания им своего способа существования. По мнению экзистенциалистов, у человека не может